

УДК 81-119

DOI: 10.18384/2310-712X-2019-4-13-23

ИСТОРИЧЕСКИЙ И ЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОДЫ К ЯЗЫКУ: СОСУЩЕСТВОВАНИЕ ИЛИ ОТРИЦАНИЕ?

Беляева И. Ф., Хухуни Г. Т.

Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24,

Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена некоторым аспектам проблемы взаимоотношения логического подхода к языковым фактам и их сравнительно-исторического изучения в истории языкознания. Основным методом исследования являются анализ и сопоставление источников, в первую очередь трудов представителей тех или иных течений, высказывавшихся по данному вопросу, а также рассмотрение подходов к его разрешению в историко-лингвистических работах. Авторы приходят к выводу, что в ряде случаев указанное взаимоотношение носит достаточно неоднозначный характер, осложняясь внесением психологического компонента, и требует дальнейшего изучения.

Ключевые слова: язык, изучение, исторический, логический, психологический, рационалистический

HISTORICAL AND LOGICAL APPROACH TO LANGUAGE: COEXISTENCE OR DENIAL?

I. Belyaeva, G. Khukhuni

Moscow Region State University

24 ulitsa Very Voloshinoy, Mytishchi 141014, Moscow region, Russian Federation

Abstract. The present paper deals with some aspects of the relation between the logical approach to language facts and their comparative-historical study in the history of linguistics. The main method of the research is the analysis and the comparison of the sources (first of all, the works of the representatives of different trends in language study) as well as their interpretation in linguistic historiography. The authors postulate, that in many cases the relation between the said approaches was ambivalent enough and complicated by the psychological component. This factor demands the further investigation.

Keywords: language, study, historical, logical, psychological, rationalistic

В классическом учебнике А. А. Реформатского, по которому постигало (и во много продолжает постигать) основы нашей науки не одно поколение студентов-филологов, определённое место уделено вопросу взаимоотношения лингвистики и логики, формулируемое следующим образом: «Так как язык неразрывно связан с мышлением, то наука о языке связана с логикой, наукой о законах мыш-

ления и о формах мысли. Тесная связь с логикой и использование логического аппарата определений и обозначений в лингвистике отнюдь, конечно, не значат, что логические категории (понятие, суждение, умозаключение и т. п.) должны совпадать с языковыми категориями (морфема, слово, предложение), однако соотносительность этих двух планов не подлежит сомнению, хотя далеко не всё, что есть в логике, должно быть и в языке, и тем более языковые явления далеко выходят за пределы логики. Тем не менее такие логические определения, как определение понятия, его содержания и объёма, его обязательных признаков, необходимы лингвисту для определения слова, его значения, видов многозначности слова ... формула aRb в логике отношений, рассматривающая отношение (R – relatio) каких-либо двух членов (a , b), важна лингвисту при определении синтагмы ... не говоря уже об общем учении о моделях в языке, в чем лингвист может опираться на учение о логическом моделировании» [12, с. 51–52].

Как показывает приведённая цитата, трактуется интересующее нас взаимоотношение как своего рода диалектическое противоречие: с одной стороны, достаточно чётко подчёркивается их взаимосвязь, а с другой – несколько раз оговаривается, что категории одной и другой области знания не менее чётко разграничиваются между собой.

Подобная трактовка представляется весьма показательной. Как свидетельствует знакомство с историей языкознания, связь между двумя науками действительно была весьма неоднозначной – от утверждения единства

(если не тождества) между ними до деклараций о необходимости полного обособления. И характерно, что особенно обострилась данная проблема именно в XIX в., когда в изучении языка начал утверждаться, а затем на протяжении многих десятилетий и доминировать сравнительно-исторический подход, провозглашённый его адептами «единственно научным».

В отечественном языкознании данный вопрос получил достаточно полное освещение в монографии И. И. Валуйцевой, основанной на весьма обширном и доказательном фактическом материале [7]. Вместе с тем, как представляется, тема эта далеко не исчерпана и имеет не только сугубо историческое, но и определённое актуальное значение, учитывая, что в лингвистике (как и, вероятно, в любой гуманитарной науке) вопросы, казалось бы, решённые в тот или иной период, уже в новой исторической ситуации вновь начинают выдвигаться на передний план и становиться предметом весьма острых дискуссий (достаточно вспомнить в этой связи хотя бы тот интерес к наследию «картезианской лингвистики», который в 60-е гг. прошлого века вызвала известная книга Н. Хомского [15], хотя критиками и отмечался довольно субъективный подход автора к историческим фактам [14]).

Таким образом, на наш взгляд, рассмотрение вопроса о том, как понималось соотношение между логическим подходом к языку, его сравнительно-историческим изучением и психологической интерпретацией, можно признать одной из актуальных задач лингвистической историографии. При этом особого внимания заслуживает

именно период с начала XIX до начала XX вв., когда большинство авторов, принадлежавших к различным направлениям, в той или иной степени считало необходимым высказать своё отношение к данному вопросу.

Традиционно разговор о рационалистическом понимании языка принято начинать с XVII столетия – времени появления самой «картезианской лингвистики» (отметим, что правомерность данного термина тоже была поставлена под сомнение рядом исследователей [14]), а точнее – книги А. Арно и К. Лансло «Всеобщая и рациональная грамматика, содержащая основы искусства речи, изложенные ясно и естественно; рациональные основания того, что является общим для всех языков, как и главных различий между ними; а также многочисленные замечания о французском языке», обычно именуемой «Всеобщей и рациональной грамматикой Пор-Рояля» (*Grammaire générale et raisonnée de Port-Royal*).

Поскольку последняя уже почти тридцать лет назад была издана на русском языке с обширными комментариями, причём – что для подобной литературы представляет собой достаточно редкий случай – почти одновременно двумя изданиями в двух разных переводах [3; 4], останавливаться подробно на её содержании, вероятно, нет необходимости. Однако нельзя не заметить, что с отражёнными в ней идеями произошёл довольно характерный для истории (и не только истории языкознания) парадокс: широкое распространение в качестве образца (зачастую в весьма упрощённом виде) – и последующая не менее широкая критика якобы присущей ей «нена-

учности», причём нередко мишенью становилась именно эта упрощённая трактовка, а не подлинное содержание названного труда. В. М. Алпатов, посвятивший обоим изданиям специальную рецензию, приводит в этой связи замечание Р. Лакоффа о том, что даже такие крупные представители нашей науки, как О. Есперсен, Л. Блумфилд, Ч. Хоккетт, критиковавшие этот труд, «скорее всего и не читали Грамматику и судили о ней из вторых рук» (оговаривая, правда, что «и несомненно знакомые с ней специалисты оценивали её не выше» [1, с. 57]). При этом, по словам учёного, «часто ей приписывали и то, против чего она была направлена: жесткое следование латинскому эталону» [2, с. 48].

В этой связи обращает на себя внимание следующее обстоятельство. Разрыв с рациональной грамматикой традиционно увязывается с формированием и развитием сравнительно-исторического подхода к языку. Приведём замечание В. М. Алпатова: «...после становления новой, сравнительно-исторической научной парадигмы ... она стала восприниматься как образец ... направления, втискивающего язык в логические схемы...» [2, с. 48]. Отмечает исследователь и тот факт, что «положение не изменилось и в первой половине XX в.» [2, с. 48], – хотя первая половина XX в. как раз и была ознаменована уже переходом от сравнительно-исторической парадигмы к структурной, у представителей которой предшествующая компаративистика также была объектом резкой критики.

С другой стороны, В. М. Алпатов, указывая, что «идеи “Грамматики Пор-Рояля” временно оказались

на периферии языкознания», делает характерную оговорку: «во Франции меньше, чем в других странах» [1, с. 65]. И здесь можно вспомнить известные слова Ф. де Соссюра, связь которого с французской традицией изучения языка неоднократно подчёркивалась исследователями, о представителях рациональной грамматики: «...их точка зрения ... абсолютно безупречна ... их программа была строго синхронической¹. Например, так называемая грамматика Пор-Ройля (так в тексте – И. Б., Г. Х.) пытается описать состояние французского языка в эпоху Людовика XIV и определить составляющие его значимости. Для этого у нее не возникает необходимости обращаться к средневековому французскому языку; она строго следует горизонтальной оси ... и никогда от нее не отклоняется. Такой метод верен; это не значит, впрочем, что он применяется безукоризненно» [13, с. 115]². Но, как

¹ Как отмечает в упомянутой выше монографии И. И. Валуйцева, подобная квалификация требует некоторого уточнения, «поскольку синхрония в том виде, в котором она представлена в “Курсе общей лингвистики”, трактуется как состояние, вычленимое из временного континуума, тогда как универсальные явления по своей сущности панхроничны (ахроничны)» [7, с. 31].

² Разумеется, необходимо учитывать, что далее следует ряд критических замечаний по адресу той традиции, которую представлял названный труд: «Традиционная грамматика игнорирует целые разделы лингвистики ... она нормативна и считает нужным предписывать правила, а не констатировать факты; она упускает из виду целое; часто она не умеет даже отличить написанное слово от произносимого и т. п.». [13, с. 115]. Аналогично характеризуется она и в открывающей «Курс общей лингвистики» главе «Общий взгляд на историю лингвистики»: «Эта дисциплина, впервые появившаяся у греков и в дальнейшем процветавшая главным образом во Франции, осно-

мы видели выше, само по себе «следование горизонтальной оси» не делало рациональную грамматику более приемлемой для таких языковедов, как Л. Блумфилд и Ч. Хоккет, которые, будучи представителями дескриптивной лингвистики, вполне разделяли тезис, согласно которому, «чтобы описать язык, не нужно никаких сведений из его истории; фактически исследователь, который позволит подобным сведениям повлиять на его описание, неизбежно исказит материал» [5, с. 33].

Говоря о причинах такого «двойного отвержения» (со стороны как компаративистов XIX, так и структуралистов XX в.), представляется нелишним ещё раз обратиться к словам В. М. Алпатова: «Ученых XIX в. не удовлетворяли ни невнимание авторов универсальных грамматик к конкретным фактам, ни отсутствие какого-либо историзма в их работах...» [1, с. 65]. Хотя оба момента в приведённой цитате поставлены рядом, нетрудно заметить, что они отнюдь не тождественны – «внимание к конкретным фактам» можно проявлять и безотносительно к историческому изучению последних на чисто описательной основе, чем, собственно говоря, и занимались главным образом американские дескриптивисты. На эту сторону их деятельности также обратил внимание В. М. Алпатов, подчёркивавший, что «дескриптивная лингвистика активно занималась применением своей методики к изучению многих языков, в том числе ранее не вывальной на логике и была лишена научного и объективного воззрения на язык как таковой: ее единственной целью составление правил для отличия правильных форм от неправильных. Это была дисциплина, весьма далекая от чистого наблюдения: в силу этого ее точка зрения была, естественно, весьма узкой» [13, с. 39].

описанных; дескриптивисты стали авторами большого числа книг и статей – по значительному числу языков мира» [2, с. 209].

Если, таким образом, «синхронизм» рациональной грамматики отнюдь не обязательно влёт за собой положительное отношение к ней со стороны «синхронистически» настроенных структуралистов, можно попытаться осветить этот вопрос с другой стороны: всегда ли историзм требовал её отвержения?

На первый взгляд, ответ на этот вопрос представляется очевидным – достаточно вспомнить слова одного из основоположников исторического языкознания Я. Гримма, подчёркивавшего необходимость отказаться при исследовании языка от абстрактно-логических схем, которые, при кажущейся строгости и чёткости своих дефиниций препятствуют «душе языкового исследования» – наблюдениям над фактами (ср. приведённые выше слова В. М. Алпатова о том, что учёные XIX в. отрицательно оценивали «невнимание авторов универсальных грамматик к конкретным фактам»): “Allgemein-logischen Begriffen bin ich in der Grammatik feind; sie führen scheinbare Strenge und Geschlossenheit zur Bestimmung mit sich, hemmen aber die Beobachtung, welche ich als die Seele der Sprachforschung betrachte” [цит. по: 16, S. 10].

Однако, рассматривая основные моменты, связанные с формированием исторического подхода к изучению языка, А. В. Десницкая в своё время указывала: «И все же, принципиально отталкиваясь от науки XVIII в., новое историческое языкознание продолжало тем не менее опираться на некото-

рые из ее достижений, сохраняя, таким образом, известную преемственность. ... Может показаться парадоксальным, однако не подлежит сомнению, что сравнительно-исторический метод на первом этапе своего становления (в частности, в трудах Фр. Боппа) сохранял преемственную связь с логическими грамматиками XVII–XVIII вв. Это находило выражение как в характере реконструкции грамматических форм, в которых мыслилась восстановимой “первоначальная” связь элементов логического суждения, так и в выдвигании самого понятия “сравнительной грамматики”, предполагавшем поиск (средствами сравнения форм родственных языков) исходной языковой системы и ее “органической”, логически осмыслявшейся целостности. Завершением этой ранней линии исследований явилась индоевропейская сравнительная грамматика А. Шлейхера...” [8, с. 4].

В этой связи можно заметить, что исторических объяснений был не чужд и наиболее склонный к логицизму учёный позапрошлого столетия Карл Беккер (полемику со взглядами которого, собственно, и представляли высказывания Я. Гримма). Правда, уже тогда можно было встретить утверждения о том, что он «лишь спорадически прибегает к историческим объяснениям, никак в его теории не обоснованным ... Исторические ссылки Беккера (даже независимо от их правильности) ничего не объясняют в структуре его языкового “организма”» [11, с. 42–43].

О том, что исторический подход к языку вполне мог совмещаться с принципами подхода логического и в отечественном языкознании, наиболее ярко свидетельствует деятельность

Ф. И. Буслаева. «Историзм» создателя первой исторической грамматики русского языка и первого русского учёного, начавшего преподавать сравнительную грамматику индоевропейских языков естественно, сомнений не вызывает. Известно, как высоко ценил он труды Я. Гримма; не менее известны и критические замечания в адрес К. Беккера, с которым полемизировал Гримм. Признавая, что Беккер создавал свою концепцию «с искренним сочувствием к преобразованиям, совершенным в науке Вильгельмом Гумбольдтом, Яковом Гриммом, Боппом и другими», он вместе с тем отмечал, что «Беккер не умел определить настоящих границ между грамматикой и логикой, по той причине, что, не имея достаточного запаса исторических сведений в языках, он нечувствительно сошел с прямого пути в развитии общих понятий о языке, с пути, предначертанного В. Гумбольдтом, и принял ложное направление старинных, так называемых, общих грамматик, имевших целью решение весьма странной задачи оправдать язык логически, то есть доказать, что параграфы схоластической логики удобно применяются к грамматическим фактам» [6, с. XVI–XVII]. Однако это не помешало учёному определять предложение как суждение, выраженное словами, а его позднейшим критикам – утверждать, что теоретическими основами его системы послужили именно переработанные взгляды К. Беккера, с одной стороны, и Я. Гримма – с другой, причём они не вполне согласуются друг с другом, что влечёт смешение стоявших перед ним задач: “Die unterschiedlichen theoretischen Ansätze in der Grammatik von Buslaev – einerseits die Begründung der

russischen historischen Grammatik und andererseits seine Syntax auf logischer Grundlage – bleiben umstritten und sind gleichzeitig bezeichnet für das Wechselverhältnis von systematischer und historischer Grammatikforschung in Rußland nach der Verarbeitung des Ansätze von Grimm und Becker” [17, S. 159].

Думается, что в данном случае дело обстоит несколько сложнее – для Ф. И. Буслаева, как показывает приведённая выше цитата, неприемлемой была попытка, если можно так выразиться, прямолинейной «подгонки» языковых фактов под «параграфы схоластической логики»; но того, что связь языка с мышлением предполагает и связь предложения с суждением (а следовательно, и определённую связь между логикой и грамматикой), это обстоятельство не отменяло. Кстати, примечательно и упоминание рядом с именами собственно компаративистов Ф. Боппа и Я. Гримма имени В. фон Гумбольдта. Как известно, наиболее резким критиком «логицизма» Буслаева в отечественной науке был во многом близкий последнему А. А. Потебня, а лингвисты конца XIX – начала XX столетия продолжали ставить в заслугу Гумбольдту, что он стремился создать учение, «пытавшееся подвести психологический фундамент под языковую деятельность человека, подчеркивавшее различия в мышлении народов, зависящие от различий в языках их и тем освобождавшее языковедение из-под фетулы логики» [10, с. 56–57]. Между тем Н. Хомский считал немецкого мыслителя как раз продолжателем той самой «картезианской лингвистики», наследие которой в лице рациональной грамматики и было основным объектом критики со стороны

представителей упомянутой В. М. Алпатовым сравнительно-исторической научной парадигмы.

Таким образом, есть определённые основания констатировать, что сам по себе исторический подход не обязательно означал полного отказа от логического – хотя, как мы видели, попытки их совместить оценивались весьма неоднозначно. Гораздо более непримиримо противостоял последнему подход психологический, о чём, в частности, писал С. Д. Кацнельсон: «Антитеза логической и психологической грамматики скрывала под собой различные и даже противоположные решения вопросов: о взаимоотношении формы и содержания в языке, об отношении грамматики к логике, об универсальной основе языков» [9, с. 127].

Этот антагонизм наглядно проявился в концепции Х. Штейнталя. «Искажение грамматики» как следствие логического подхода он не только относит к рациональной грамматике XVII–XVIII вв., но и возводит их ещё к античной эпохе, устанавливая в этом отношении преемственность от Платона до Беккера¹: “Der Fehler, die Grammatik durch Logik zu verfälschen, ist freilich sehr alt, so alt wie die Grammatik selbst. Er beginnt mit Plato und wächst fortwährend bis auf Becker” [19, S. 109]. При этом сам по себе психологизм в различных своих ипостасях также вполне совмещался с историзмом, а симбиоз этих двух подходов провозглашался фундаментом лингвистической науки, о чём свидетель-

¹ Ср. приведённое выше высказывание Ф. де Соссюра, констатирующее преемственную связь между античной традицией и рациональной грамматикой.

ствует и продолжение приведённого выше фрагмента из книги А. М. Пешковского (хотя представленная в нём картина может показаться несколько упрощающей действительность): «Последовавшие затем успехи психологии дали возможность продолжателям этого направления Штейнталю и Ладарусу и его завершителю Паулю подвести внутреннюю сторону языковой деятельности под обще-психологические законы, а в то же время сравнительно-исторический метод открыл во внешней стороне её специальные фонетические законы; так и состоялось изучение законов развития языков человеческих, т. е. научное языковедение» [10, с. 57].

Однако как раз позиция «завершителя данного направления» Г. Пауля (хотя он не столько «завершал» деятельность названных А. М. Пешковским немецких учёных, сколько полемизировал с их пониманием психологизма, как в первую очередь учения о «народном духе» и «психологии народов») заслуживает, на наш взгляд, особого рассмотрения. Ибо, будучи наиболее последовательным (во всяком случае, в теоретическом отношении) приверженцем историзма среди всех своих современников, слова которого о том, что так называемое «неисторическое научное изучение языка» есть не что иное как неполное историческое его изучение (“Was man für eine nichtgeschichtliche und doch wissenschaftliche Betrachtung der Sprache erklärt, ist im Grunde nichts als unvollkommen geschichtliche...” [18, S. 20]), стали своего рода «мемом» компаративистики в её младограмматической ипостаси, – Г. Пауль и в данном вопросе продемонстрировал своё отличие от

Х. Штейнталя, заметив, что полный разрыв грамматики с логикой, провозглашённый в ходе борьбы с прямолинейным выводением грамматических отношений из логических, представляет собой такую же односторонность, как и их отождествление, а уяснить взаимоотношения между ними столь же важно, как и установить различие: “In der Opposition gegen eine früher übliche Behandlungsweise der Sprache, wonach alle grammatische Verhältnisse einfach aus den logischen abgeleitet wurden, ist man soweit gegangen, dass man eine Rücksichtnahme auf die logischen Verhältnisse, welche in der grammatischen Form nicht zur Ausdruck kommen, von der Sprachbetrachtung ganz ausgeschlossen wissen will. Das ist nicht zu billigen. So notwendig ist es einen Unterschied zwischen logischen und grammatischen Kategorien zu machen, so notwendig ist es auf der andern Seite sich das Verhältnis beiden zu einander klar zu machen” [18, S. 36].

Подводя итоги нашему рассмотрению, можно заметить следующее. Сам по себе исторический подход к языковым фактам мог в определённой степени сосуществовать с логическим, хотя такое «совмещение» нередко подвергалось острой критике. В свою очередь,

психологическая трактовка языка не только считалась не противоречащей принципу историзма, но и рассматривалась многими учёными как основа последнего; при этом она резко противопоставлялась логической. С. Д. Кацнельсон в этой связи, сопоставляя логическое и психологическое направления, подчеркнул: «Для языкознания и отстаивания его автономности второе направление оказалось более перспективным, и неслучайно дальнейший прогресс науки о языке оказался в течение целого периода связанным с идеями психологического направления» [9, с. 127]. Однако и «реабилитация» рациональной грамматики в трудах Н. Хомского, о которой шла речь выше, и интенсивная разработка проблем логического анализа языка, активизировавшаяся с конца прошлого века, наглядно свидетельствуют о том, что упомянутая «перспективность» носит относительный характер. А это, в свою очередь, на наш взгляд, наглядно демонстрирует целесообразность более глубокого изучения того, как складывалась судьба логического течения в различные периоды развития нашей науки.

Статья поступила в редакцию 06.05.2019

ЛИТЕРАТУРА

1. Алпатов В. М. «Грамматика Пор-Рояля» и современная лингвистика. // Вопросы языкознания. 1992. № 2. С. 57–68.
2. Алпатов В. М. История лингвистических учений. М.: Языки славянской культуры, 2001. 368 с.
3. Арно А., Лансло К. Всеобщая рациональная грамматика (Грамматика Пор-Рояля). Л.: Издательство ЛГУ, 1991. 126 с.
4. Арно А., Лансло К. Грамматика общая и рациональная Пор-Рояля / пер. с фр. Н. Ю. Бокадоровой. М.: Прогресс, 1990. 272 с.
5. Блумфилд Л. Язык. М.: Прогресс, 1968. 608 с.
6. Буслаев Ф. И. Опыт исторической грамматики русского языка. Ч. 1. Этимология. М.: Университетская типография, 1858. XL + 428 с.

7. Валуицева И. И. Время как металингвистическая категория. М.: Издательство МГОУ, 2006. 202 с.
8. Десницкая А. В. Предисловие // Понимание историзма и развития в языкознании первой половины XIX века / отв. ред. А. В. Десницкая. Л.: Наука, 1984. С. 3–6.
9. Кацнельсон С. Д. Содержательно-типологическая концепция В. фон Гумбольдта // Понимание историзма и развития в языкознании первой половины XIX века / отв. ред. А. В. Десницкая. Л.: Наука, 1984. С. 126–135.
10. Пешковский А. М. Школьная и научная грамматика: опыт применения научно-грамматических принципов к школьной практике. М.: Литературно-издательский отдел Народного Комиссариата по Просвещению, 1918. 125 с.
11. Попов А. В. Синтаксические исследования. 1. Именительный, звательный и винительный в связи с историей развития заложных значений и безличных оборотов в санскрите, зенде, греческом, латинском, немецком, литовском, латышском и славянском наречиях. Воронеж: Тип. В. И. Исаева, 1881. 308 с.
12. Реформатский А. А. Введение в языковедение. М.: Аспект Пресс, 1996. 536 с.
13. Соссюр Ф. де. Избранные труды. М.: Прогресс, 1977. 696 с.
14. Aarsleff H. The History of Linguistics and Professor Chomsky // Language. 1970. Vol. 46. No. 3. P. 570–585.
15. Chomsky N. Cartesian linguistics. A Chapter in the History of Rationalist Thought. New York, London: Harper & Row, 1966, XIII + 119 p.
16. Moskalskaia O. I. Grammatik der Deutschen Gegenwartssprache. М.: Академия, 2004. 352 с.
17. Pankow Ch. Die Wirkung der Deutschen Grammatik von Jacob Grimm auf die grammatischen Ansichten russischer Sprachforscherim 19. Jahrhundert. Ein Beitrag zur Theorienbildung in der Linguistik. Thübingen: Gunter Narr Verlag, 2002. 198 S.
18. Paul H. Prinzipien der Sprachgeschichte. Thübingen: Niemeyer, 1995. 442 S.
19. Steinthal H. Grammatik, Logik und Psychologie, ihre Principien und ihr Verhältnis zu einander. Berlin: F. Dümmler Verlagsbuchhandlung, 1855. XXV+392+8 S.

REFERENCES

1. Alpatov V. M. [“The grammar of Port Royal” and modern linguistics.]. In: *Voprosy yazykoznaniiya* [Topics in the study of language], 1992, no. 2, pp. 57–68.
2. Alpatov V. M. *Istoriya lingvisticheskikh uchenii* [History of Linguistic Studies]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2001. 368 p.
3. Arnauld A., Lancelot C. *Vseobshchaya ratsional'naya grammatika (Grammatika Por-Royalaya)* [Universal rational grammar (Grammar of Port Royal)]. Leningrad, Leningrad State University Publ., 1991. 126 p.
4. Arnauld A., Lancelot C. *Grammatika obshchaya i ratsional'naya Por-Royalaya* [General and rational grammar of Port Royal]. Moscow, Progress Publ., 1990. 272 p.
5. Bloomfield L. *Yazyk* [Language]. Moscow, Progress Publ., 1968. 608 p.
6. Buslaev F. I. *Opyt istoricheskoi grammatiki russkogo yazyka. Ch. 1. Etimologiya* [Essay Towards an Historical Grammar of the Russian Tongue. Part 1. Etymology]. Moscow, Universitetskaya tipografiya, 1858. XL + 428 p.
7. Valuitseva I. I. *Vremya kak metalingvisticheskaya kategoriya* [Time as a metalinguistic category]. Moscow, Moscow Region State University Publ., 2006. 202 p.
8. Desnitskaya A. V. [Preface]. In: Desnitskaya A. V., ed. *Ponimanie istorizma i razvitiya v yazykoznanii pervoi poloviny XIX veka* [Understanding of historicism and development in linguistics of the first half of the XIX century]. Leningrad, Nauka Publ., 1984, pp. 3–6.
9. Katsnel'son S. D. [Content-typological concept of W. von Humboldt]. In: Desnitskaya A. V.,

- ed. *Ponimanie istorizma i razvitiya v yazykoznanii pervoi poloviny XIX veka* [Understanding of historicism and development in linguistics of the first half of the XIX century]. Leningrad, Nauka Publ., 1984, pp. 126–135.
10. Peshkovsky A. M. *Shkol'naya i nauchnaya grammatika: opyt primeneniya nauchno-grammaticheskikh printsipov k shkol'noi praktike* [School and scientific grammar: practice of applying scientific and grammatical principles to school practice]. Moscow, Literaturno-izdatel'skii otdel Narodnogo Komissariata po Prosveshcheniyu Publ., 1918. 125 p.
 11. Popov A.V. *Sintaksicheskie issledovaniya. 1. Imenitel'nyj, zvatel'nyj i vinitel'nyj v svyazi s istoriej razvitiya zalozhnyh znachenij i bezlichnyh oborotov v sanskrite, zende, grecheskom, latinskom, nemeckom, litovskom, latyshskom i slavyanskom narechiyah* [Syntactic research. 1. Nominative, vocal and accusative in connection with the history of the development of voice meanings and impersonal constructions in Sanskrit, Zenda, Greek, Latin, German, Lithuanian, Latvian and Slavic dialects]. Voronezh, Tip. V. I. Isaeva Publ., 1881. 308 p.
 12. Reformatsky A. A. *Vvedenie v yazykovedenie* [Introduction to linguistics]. Moscow, Aspekt Press Publ., 1996. 536 p.
 13. Saussure F. de. *Izbrannye trudy* [Selected works]. Moscow, Progress Publ., 1977. 696 p.
 14. Aarsleff H. The History of Linguistics and Professor Chomsky. In: *Language*, 1970, vol. 46, no. 3, pp. 570–585.
 15. Chomsky N. Cartesian linguistics. A Chapter in the History of Rationalist Thought. New York, London, Harper & Row, 1966, XIII + 119 p.
 16. Moskalskaia O. I. *Grammatik der Deutschen Gegenwartsprache*. Moscow, Academy Publishing Center, 2004. 352 p.
 17. Pankow Ch. Die Wirkung der Deutschen Grammatik von Jacob Grimm auf die grammatischen Ansichten russischer Sprachforscherim 19. Jahrhundert. Ein Beitrag zur Theorienbildung in der Linguistik. Tübingen, Gunter Narr Verlag, 2002. 198 S.
 18. Paul H. *Prinzipien der Sprachgeschichte*. Tübingen, Niemeyer Publ., 1995. 442 S.
 19. Steinthal H. *Grammatik, Logik und Psychologie, ihre Principien und ihr Verhältnis zu einander*. Berlin, F. Dümmler Verlagsbuchhandlung, 1855. XXV+392+8 S.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Беляева Ирина Фёдоровна – кандидат филологических наук, доцент, директор Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета;
e-mail: belyaevairin@mail.ru

Хухуни Георгий Теймуразович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка и англистики Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета;
e-mail: khukhuni@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Irina F. Belyaeva – PhD in Philological Sciences, Associate Professor, Director of Institute of Linguistics and Intercultural Communication, Moscow Region State University;
e-mail: belyaevairin@mail.ru

Georgy T. Khukhuni – Doctor in Philological Sciences, Professor, Head of the Department of Language Theory and Anglistics at Institute of Linguistics and Intercultural Communication, Moscow Region State University;
e-mail: khukhuni@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Беляева И. Ф., Хухуни Г. Т. Исторический и логический подходы к языку: сосуществование или отрицание? // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2019. № 4. С. 13–23.

DOI: 10.18384/2310-712X-2019-4-13-23

FOR CITATION

Belyaeva I. F., Khukhuni G. T. Historical and logical approach to language: coexistence or denial? In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2019, no. 4, pp. 13–23.

DOI: 10.18384/2310-712X-2019-4-13-23